

М. П. ПОГОДИН

К вопросу о славянофилах

Поутру занимался я исследованием о церковном смятении в начале управления Софьиной, а вечером попалась мне на глаза статья г. Пыпина о славянофильстве (Вестник Европы, 1872. Ноябрь и декабрь), и мне представилась, — в образчик странного сочетания мыслей, — параллель, или, точнее сказать, геометрическая пропорция между *полемическими приемами* раскольников и западников. Западники так относились к славянофилам, как раскольники к православным: те и другие видели одинаково вкось и вкривь, и потому так и судили своих противников — раскольники православных, западники славянофилов. Раскольники ожидали ужасов от исправления церковных книг; западники испугались точно так же грозившего будто России невежества от провозглашенной славянофилами необходимости в большем внимании и почтении к родной старине и ее заветным преданиям, в строже-критическом отношении к Западу, которого учреждениям безусловно поклоняться-де не должно. Они накинулись за славянофилов как на врагов просвещения и свободы мнений, начали обвинять их пред толпою, пользуясь на все лады общими местами, очень легкими в этом случае, — чем долгое время и успевали, да и теперь отчасти успевают в ближайших к себе кругах. Увлекаясь спором, они обругали кстати и всю нашу старину, совершенно им неизвестную, приравнивали ее к невежеству и рабству, и отказали ей во всяком человеческом достоинстве, движении и успехе.

Старые раскольники были искренни в своих убеждениях и опасениях; допускаю такую же искренность и в западниках. Но время взяло свое: молодые люди сделались стариками, пережитая теми и другими всякая всячина, опыты накопились, большая часть первых противников с той и с другой стороны сошла в могилу, много воды утекло, даже из Дуная, как сострил

князь Меншиков, много и притекло, — и вот Павел Прусский, Пафнутий Коломенский и достойные их товарищи увидели свою несправедливость: они обращаются к единоверию. Убеждения славянофилов, понятые как следует и беспрестанно оправдываемые в течении времени, приобретают себе приверженцев более и более между мыслящими русскими людьми, а вражда западников не утихает, и даже принимает характер корсиканской вендетты из рода в род, если не оружием, то хоть средствами Дона Базили¹, употребляемыми исподтишка, при всяком удобном случае. Что за причина? Пора бы, кажется, ослабнуть раздражению! Отчего это происходит? От новых ингредиентов, вошедших в состав их катехизиса, от новых зелий, попавших в котел шекспировских ведьм².

О славянофилах пишут всякий вздор, взводят на них всякие напраслины и приписывают им всякие нелепости, выдумывают чего не было и умалчивают о том, что было, — одни по незнанию, другие по предубеждению, третьи из личной или наследственной, безотчетной ненависти, имея целью ослабить, во что бы ни стало, влияние их образа мыслей, который признается вредным для успеха перенимаемых с Запада, по телеграфу, одно за другим учений противной партии.

Замечу еще, что не только противники, даже последователи, в новых поколениях, ошибаются иногда, относясь к старому времени, к происхождению той или другой славянофильской мысли, к первым деятелям.

Несколько раз принимался я писать об этих выходках и об этих ошибках, за прошлое время, зная дело коротко от первой минуты до последней; но останавливался — иногда потому, что не хотелось говорить о себе, иногда потому, что не имел досуга для забрания нужных справок, иногда потому, что не желал касаться того или другого вопроса до времени, но причинам частным или личным. В успокоение служила мне также пословица, хоть грубая, но верная, которую применить иногда было очень позволительно к пустым или недобросовестным пересудам: собаки лаят, а ветер носит.

Но вот г. Пыпин возносится на степень историка и предлагает свои рассуждения свысока, объявляя притязания на беспри-

страстие и служение науке. О таком мнении нельзя не подать голоса, тем более что молодые славянофилы, верные своей славянской природе, тяжелы на подъем, и вряд ли соберутся скоро (если, впрочем, еще соберутся) сказать что-нибудь в опровержение или объяснение вопроса. Притом иногда не знают и сами дела в точности, как замечено выше.

Отдаю полную справедливость искусству к таланту автора, которые сказались с такой выгодной стороны в его исторических очерках «Общественное движение при Александре» 1871 г.³, кроме вопиющих отзывов о Карамзине, Жуковском, Крылове и проч. (я обращаюсь к ним после). И признавая истинные, примечательные достоинства в изложении того, что он знает, не могу сказать подобного о том, что он говорить не зная, а имея только предубеждение, часто с ветру полученное. В статье его есть много дельных и основательных замечаний, но вообще она обилует ошибками, неверностями, задними мыслями, — не говоря уже о личных мнениях, на которые, разумеется, он имеет полное право, как и его читатели имеют полное право на свое мнение об них и об нем.

Славянофилы — это был сначала кружок молодых людей (ныне давно состарившихся или сошедших в могилу), знакомых между собою с детства или учебной скамьи* и начавших

* Для некоторых читателей, может быть, будет любопытно узнать происхождения знакомства между ними. Веневитиновы и Хомяковы были знакомы домами истари, а у сыновей был один учитель русского языка — Глаголев, единственный доктор философии в университете того времени; Киреевские и Кошелев жили по соседству за Сухаревой башней и познакомились больше на уроках у Мерзлякова, которые брали для экзамена на чин коллежского асессора. Шевырев, Титов и Ознобишин кончили курс вместе в университетском пансионе, в 1823 году; тогда же профессор Павлов привез в университет натуральную философию Шеллинга и Окена. Первые соединения были — литературное, под председательством Раича, переводчика Виргилиевых «Георгик», Тассова «Иерусалима», Ариостова «Орланда» (здесь принимали участие: Шевырев, Титов, Одоевский, Ознобишин, Колошин — Петр, Пуята, Андрей Муравьев, Андросов, Томашевский, Оболенский (В. И.), я и проч.; философское около проф. Павлова, а прежде у кн. Петра Черкасского (Веневитинов, Киреевский, Кошелев и проч.). Некоторые из того и другого кружка соединились на службе в архиве министерства иностранных дел и получили место в «Онегине»

заявляться с двадцатых и тридцатых годов (Хомяков, Языков, Киреевские, Шевырев, Кошелев и пр.). К сороковым годам подготовилось их новое поколение (Константин Аксаков, потом Самарин, Попов, Елагин, Стахович, Панов, Валуев, кн. Черкасский). К пятидесятым годам относится третье поколение — (Гильфердинг, Иван Аксаков, Ламанский). С шестидесятых годов началось четвертое (сотрудники «Зари», «Беседы» и проч.).

Из числа знакомых первого поколения, составлявших первый кружок, некоторые отправились и последних двадцатых годах на службу в Петербург, и разошлись далече, занялись другими предметами, чем оставшиеся в Москве их приятели; но дружеская связь между ними не прерывалась, и общие стремления к отечеству, просвещению, словесности продолжались одни и те же (Веневитинов, Титов, Одоевский). Одоевский, оставаясь чистейшим западником, в лучшем значении этого слова, занялся, по возвращении в Москву, преимущественно народною и церковною музыкой, и возделывал эту часть народности. (Продолжение его трудов приняли на себя гг. Разумовский и Потулов.)

К дружным между собою славянофилам разных периодов приставали иные со стороны, знакомые или незнакомые, разделяя или возделывая то или другое из их положений; иные занимались ими независимо от славянофилов, например Ф. И. Тютчев, самый живой и разумный носитель славяно-русской идеи,

Пушкина (который тогда приехал в Москву из Пскова) под именем архивных юношей. В раичевское общество принят был Полевой, который на первых же порах представил программу журнала. Она была отвергнута; он оставил общество и предпринял издание «Телеграфа». Одоевский издал пред тем сборник «Мнемозину»⁴, а я альманах «Уранию»⁵. Мы с Д. Веневитиновым и Шевыревым, ободренные Пушкиным⁶, обещавшим живое и деятельное участие, затеяли «Московский вестник» (1827—1830), а проф. Павлов — «Атений»⁷. Славянофильского здесь нигде не было почти еще ничего. В «Московском вестнике», с 1827 г., начало показываться участие к судьбе славянских племен, которому содействовал прежде Кеннен библиографическими сведениями. Венелин, медицинский студент, познакомившийся со мною по поводу моего рассуждения о происхождении Руси, в 1826 г., — живыми этнографическими. Хомяков в 1829 г. побывал в Болгарии, служив в гусарах в продолжение турецкой войны.

А. Н. Майков, проникнутый идеей народности, Бодянский, неумолимо, хотя одиночно, работающий над изданием «Славяно-русских памятников», А. Н. Муравьев, воюющий за православие, Аксаков-отец, Чижов, Ф. Н. Глинка, М. А. Дмитриев, Вельтман, Даль, О. Ф. Миллер, каждый по своей части.

Живое дружеское сочувствие многих достойных литературных и ученых деятелей идеям славянофильским — утешало и утешает их постоянно: назову Гоголя, П. С. Савельева, В. В. Григорьева, Шеншина, Т. И. Филиппова, графа Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. Я. Данилевского, Н. Н. Страхова.

Для истории русской словесности, и вообще русского образования, замечу (это не было еще замечено), что кружок славянофилов находился в дружеских связях с представителями старшего пред ними поколения, Пушкиным, Баратынским, Плетневым, равно как те примыкали к Жуковскому, Вяземскому, Дашкову, Блудову, Гнедичу, Тургеневым и арзамасцам⁸. Эти же связаны были, в свою очередь, с Карамзиным, который был другом И. И. Дмитриева, товарища и сверстника Державину, Капнисту, Хемницеру, Львову, Кострову. Старшие их современники, Херасков, Петров, Богданович, Фон-Визин, заставили Сумарокова, спорившего с Ломоносовым. Так велось наше литературное предание, вплоть до литераторов, составлявших прозванный так противниками славянофильский кружок. Западники, изникшие из «Телеграфа»⁹, разорвали связь с преданием, начали с унижения старых авторитетов, и заменили их новыми — какими?

Читая г. Пыпина, читатель имеет полное право думать, что так называемые славянофилы терпеть не могли европейского образования, не обращали внимания на европейскую науку, на искусство, не дорожили гражданственностью западную, одним словом, ненавидели Запад. Как иначе можно, например, понимать следующие выдержки из рассуждения г. Пыпина?

С. 55. (Славянофилы увлекались) «мечтами о будущем падении западной цивилизации и торжестве восточной».

С. 71. «С “Маяком” славянофилы имели общего крайнюю вражду к Западу».

С. 80. Западная цивилизация (у некоторых) была предметом *вражды*».

С. 73. «Славянофилы говорили, что мы должны *отвратиться от Запада*, потому что его просвещение нам чуждо, и лишено верховной истины. Мы должны обратиться к старине, потому что она, хотя и не всегда сознательно, была проникнута учением, заключающим в себе эту верховную истину».

С. 74. «Киреевский с оговорками, а другие бросают эти оговорки и утверждают прямо, что *Запад гниет*, что от него следует *бежать*, чтоб не заразиться гниением, что зараза даже заметна и у нас».

Вот какие мнения, без оговорок, приписывает г. Пыпин славянофилам, между тем как в действительности ни один из западников не был так знаком с Западом, во всех отношениях, как славянофилы; ни один не изучал его с таким вниманием, постоянством, как Хомяков, Киреевский, Шевырев... Мифология, религия, вероисповедание, право, язык, наука, искусство, литература, общество западное, были равно им известны, исторически, критически, статистически. Первые западники, с которыми нынешних тщедушных потомков и сравнивать нельзя, напр. Грановский, Герцен, должны были уступать им во всех спорах, при зарождении партий (чем и усиливалась неприязнь). Герцен был хорошо знаком с политикою и нынешним состоянием западных государств, впрочем, позднее. Грановский знал их историю, преимущественно политическую, анекдотическую. Белинский ничего не знал порядочно, начав и кончив свое образование в «Телеграфе», который был для него гимназией, университетом и академией, он пробавлялся после сообщениями от своих товарищей, из вторых и третьих уст, и подвергался их влиянию, пел с голосу, кроме, разумеется, отделения литературной критики, где он показал достоинства далеко, впрочем, не безусловные.

Хомяков был в настоящем значении слова, столько же западником, разумеется, по-своему, как и восточником (славянофилом). Это был ум всеобъемлющий. Западные *богословы*, протестанты и католики признали его достоинства. Оксфордский университет принимал его с почтением. Гегель был любимым его противником в *философии*. О познаниях в *истории* свидетельствует его «Семирамида»¹⁰. *Литература* западная была ему своя, и из Шекспира, напр., он мог прочесть вам сколько угодно стихов наизусть. Ничто новое на Западе не укрывалось от его всесторонней любознательности. Последнюю американскую войну он мог разобрать как у себя на ладони, и он разбирал, бывало, все марши Мак-Кленана, Ли, как будто они происходили в окрестностях Москвы или около его Богучарова.

Точно так же он мог бы подавать советы северным экспедициям, как вернее отыскивать Франклина.

Я напечатал где-то шуткою, еще при жизни Хомякова, что если б он родился в другом государстве, то верно устроилось бы общество для его эксплуатации: наводить его в разговор на какие угодно предметы и возбуждать к спору, который был его стихией, и в котором ум его развертывался во всем блеске, мысли били ключом у него из головы — оставалось только собирать и записывать.

Киреевский воспитан был на немецкой и английской словесности. Философия потом сделалась главным его занятием, и он был в Мюнхене желанным собеседником Шеллинга. Отцам Церкви предался он впоследствии.

Что сказать о *Шевыреве*, предаваемом невежами всяким ругательствам? Я не думаю, чтобы в Европе был где-нибудь профессор, который был бы так *равномерно* знаком со всеми литературами, древними и новыми, со всеми языками европейскими, как Шевырев. Платона, Лукиана он переводил еще в молодости. О немецкой, французской и английской литературе нечего говорить. Гете отдал справедливость его критической проницательности, с чем поздравлял его Пушкин. О *Шекспире* осталась целая книга, такая же, как о *Данте*. Итальянская и испанская литература была ему знакома, как русская. Его курс о западной литературе, в пяти или шести томах, был бы насущным приобретением для большинства, даже и теперь, но при нашем равнодушии, при нашем легкомыслии, он тлеет до сих пор (вместе с его избранною библиотекою) в кладовых лоскутного трактира. Какие труды поднял Шевырев, в продолжение трех лет, для Московского университета, приготавливая к его столетнему юбилею историю и биографический словарь профессоров, т. е. материалы для истории *западного* просвещения в России, — вообразить трудно! Мне до сих пор больно вспоминать об его трудах и о тех наградах, которые он получил за них...

И таких-то людей наши невежи, наши сектанты могли и могут упрекать в неуважении к науке и литературе Запада! И этих-то людей легкомысленнее фельетонисты берутся судить, взводя на них великие напраслины и умалчивая об их настоящих убеждениях; а толпа им верит, как верила Ноздреву у Гоголя, и восклицает, с негодованием пожимая плечами: славянофилы, славянофилы!

Запад гниет — это выражение, употребленное в какой-то статье «Москвитянина» Шевыревым¹¹, попало на зубы западникам, и вот уже лет тридцать, как оно переворачивается ими на все стороны, треплется по всем газетам и журналам и подвергается всяким площадным насмешкам и ругательствам. Нет ни одного пошляка, который бы с самодовольством не прокричал: Запад гниет, ха-ха-ха! Тридцать лет западники стараются ругать, что это выражение написано на знамени славянофилов. Старшие западники в жару споров, а младшие по слепой ненависти никак не хотят до сих пор понять, в каком смысле употреблено было это выражение, или не имеют добросовестности сознаться в опрометчивости своего заключения.

«*Душа убывает на Западе*», — сказал или повторил, и во многих местах пояснил, один из самых крайних западников, самый сильный между ними — Герцен!¹²

Что же, разве это не одно и то же значит, что Запад гниет! В сочинениях представителей Запада — Милля, Кине¹³ и прочих можно указать множество мест в подтверждение этой мысли, которая сделалась чуть ли уже не общим местом в западной литературе, у проповедников, философов, моралистов, публицистов, — но не дошла еще до наших доморощенных философов и рыцарей свистопляски.

Не угодно ли вам прочесть последнее слово западной науки в сочинении Эдварда Гартмана, переданное русским читателям в мастерском (и уже обруганном в фельетоне «Петерб. ведомостей») изложении варшавского профессора Струве¹⁴. «Сочинение это, — говорит Струве, — несмотря на обширность свою, равно на неохоту современной публики читать серьезные, особенно же философские произведения, издано в 3 года 4 раза, и притом во всех почти газетах и журналах, даже многих специальных, было оцениваемо до того лестно и сочувственно, что нельзя сомневаться в том, что мы имеем перед собой книгу, принадлежащую к числу знаменательнейших произведений новейшей философской литературы».

«На с. 588, 617 и след. Гартман откровенно объясняет, что человечество приближается к дряхлой старости, на которой естественным образом и уменьшается желание и возможность читать и усвоить себе строго-научные труды; вместо юношеской силы и живого интереса ко всем новым мыслям и умственным произведениям, все более расширяется стремление к удобствам жизни, к комфорту и спокойствию, вследствие чего и наука должна принять форму общедоступную, способствующую к усвоению ее без особенного труда и напряжения¹⁵. «Искусство, —

говорит Гартман (с. 619), — будет для человечества в зрелом возрасте тем, что берлинская фарса вечером для берлинского биржевого купца». Такая же участь постигнет и науку, а потому нельзя удивляться, что при подобном взгляде на современную публику Гартман старался изложить свои взгляды в форме сколь возможно ленивой и утомительной, чтобы ленивый и умственно вялый «старичок нашего времени без труда мог понять и усвоить себе его воззрения».

Ну, что скажут на это наши незванные путеводители? Не согласятся ли они, что если Запад не гниет, то, по крайней мере, нравственно подгнивает.

Г. Пыпин предъявляет во многих местах своего талантливо-го очерка те же самые приговоры о славянофилах, которые высказывались западниками в первых попытках, не разбирая нисколько ни лиц, ни обстоятельств, ни времени, когда было произнесено то или другое положение и в каком смысле.

«Западное направление, — говорит он, например, — ожидало спасения от большого распространения образованности, от усвоения европейского знания. Другое (т. е. славянофильское) направление также искало лучше-го, но от настоящего оно бросилось к прошедшему» (с. 59).

Совершенная несправедливость! В том-то и дело, что славянофилы, точно так же как и западники, «ожидали спасения от большого распространения образованности, от усвоения европейского знания, но в духе христианском, в духе православия, в духе народном, своеобразно, а не подражательно!

«Вражда к преобразованиям Петра и к петербургскому периоду не один раз высказывалась славянофилами с крайней нетерпимостью, и старина восхвалялась с самым решительным предпочтением» (с. 49).

Здесь немного упущено из виду! К чему из петербургского периода выказывалась вражда? Что в старине восхвалялось с самым решительным предпочтением? Бироново правление, например, не одобрит и ящика для просьб, приносившихся царю Алексею Михайловичу, не осудит ни один заклятой петербургский западник!

«Надежда стать основателями нового периода в национальном сознании», которую г. Пыпин приписывает славянофилам — принадлежит к числу громких фраз, не заключающих в себе ничего вещественного. Никакой предвзятой надежды никто не питал, а выражал свои мысли и желал их распространения, как желает того всякий имеющий свое мнение о каком бы то ни было вопросе, в какой бы то ни было области.

О таких нелепостях, как мечтания славянофилов среди их увлечений о *падении* западной цивилизации, о намерении их обращать католиков и протестантов в православие, не стоит труда и говорить!

Хомяков, Киреевский превозносили истину вашего православия; но что мы делали и делаем иногда с этою истиной, великой и священной, чего достигал с нею вчера или третьего дня, как употребляем и возделываем ее нынче, — о том не найдете вы нигде безусловных восхвалений. Православие не виновато, если по другим посторонним соображениям оно было отнесимо иногда на задний план, и принуждаемо отказываться от своей миссии, даже от друзей своих и приверженцев.

В основе русской истории лежит мир, а не война; в приятии христианской веры господствовало согласие, а не насилие, как на Западе. Это исторические были, которым соответствуют многие явления в истории и в жизни, даже до последнего великого события, освобождения крестьян от крепостной зависимости, и отвергать их ввиду того, что приложения их изменялись иногда или изменяются, вследствие тех или других обстоятельств, могут только не имеющие очей видети и ушей слышати.

Смирение и терпение принадлежат к числу отличительных свойств русского характера и находят себе подтверждение, по правилам строгой исторической критики, во многих явлениях русской истории и жизни. Эти свойства имеют многих великих представителей, которых имена произносит с любовью и законной гордостью всякий друг отечества.

Даже господствующая обличительная литература и все ругательства, которыми осыпают легкомысленные невежи наших заслуженных деятелей, есть извращенный, изуродованный вид того же смирения, которое не терпит, по существу своему, никакой похвалы. Укажите мне что-нибудь подобное в другом европейском народе, у немцев, французов, англичан, испанцев, итальянцев, шведов, датчан, голландцев! Кто осмелился бы ругаться так, как у нас ругаются, над древностью, над великими своими людьми, того закидали бы камнями.

Славянофилы, и в особенности писатели «Москвитянина», которых иногда соединяет г. Пыпин, иногда разделяет, по-свое-

му благоусмотрению, обуреваемые квасным патриотизмом и официальной народностью, любя выставлять вещественные силы России и хвалиться ими, содействуют ослеплению. Это обвинение повторяется при всяком случае досужими фельетонистами.

Это обвинение принимаю я исключительно на свой счет, как и должен, кажется, по словам г. Пыпина, и отвечаю: я говорил часто и повторял, что нам дано десять талантов, но покажите мне, где я сказал, что нами приобретено еще десять талантов, которыми имеем право гордиться? Я говорил о десяти талантах, с указанием обязанностей, возлагаемых этими щедрыми дарами, с указанием тех наказаний, которая угрожают рабам ленивым и неверным, и тех наград, которые получают рабы верные, возделавшие малое, ими полученное. Я говорил всегда о возможности, *если...* и если этого *если* не состоялось, то и все предыдущее уничтожалось как небывалое. Вся суть и вызывалась и заключалась в этом *если*, а говорить прямо, без околичностей, разве было возможно?

Одним словом, переберите и рассмотрите все сочинения славнофилов и писателей «Москвитянина»: найдете ли вы одну строку, коею было бы похвалено что-нибудь нехорошее, недостойное, нечестное, неблагородное?

Еще более — в самую тяжкую минуту нашей государственной жизни, что сказал Хомяков, начиная изречением писания: не уклони сердца моего в словеса лукавствия, нещевати вины о гресех? ¹⁶

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет,
Через волны гневного Дуная,
Туда, где землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увьи! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черва неправдой черной,
И игом рабства клеймена;

Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О недостойная избранья!
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой.

Душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной,
Елеем плача исцели.
И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыль кровавых сеч.
Борись за братьев крепкой бранью.
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом — то Божий меч¹⁷.

Историческая верность, требует заметить, что вещей поэт, которого слова должны были быть вылиты из золота, принужден был дать подписку графу Закревскому, что не будет давать для чтения никому своего бессмертного стихотворения. Он исполнил данное слово, и не давал никому своего стихотворения, но написал другое:

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха песни шумной,
Не с звоном чаши круговой,
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты;
На подвиг грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.

О Русь моя! как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Идет на Божеский призыв:
Так, исцелив болезнь порока
Сознаньем, болью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко
В сиянье новом и святом.

Иди, тебя зовут народы,
И совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы.
Дай мысли жизнь, дай жизни мир.
Иди, светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром.

Грозна, прекрасна, ангел Бога.
С огнесверкающим челом *¹⁸.

Многое подобное можно привести и из современной прозы «Москвитянина», печатной и рукописной, но публичной.

«Славянофильский идеал иногда был так двусмыслен..., что в них видели иногда союзников обскурантизма» (с. 60).

И Дон-Кихоту ветряные мельницы казались иногда какими-то богатырями, с которыми он должен был сражаться! Хомяков, Киреевский, Шевырев — посвятившие всю жизнь науке — союзники обскурантизма!

Чему и кому помешали славянофилы или писатели «Москвитянина»? Какую полезную мысль остановили, какое вредное действие усилили?

Г. Пыпин, не зная никого из славянофилов лично, наслушавшись, может быть, от пристрастных почему-либо свидетелей, окружил себя какими-то мифическими призраками, и вращается большею частию в атмосфере общих положений, которые перемешиваются, вместе с лицами, и перетасовываются им по благоусмотрению; он наматывает и разматывает, в том или другом смысле, два клубка, Восток и Запад, не соображая начало, что у Востока есть свой Запад, а у Запада свой Восток. Он старается обойти те положения славянофилов, которым не мог бы не отдать справедливости, об их преданности просвещению, об их занятиях науками, об заслугах в литературе, и останавливается преимущественно на тех положениях, на которые возражать может. Для опровержения он выбирает большею частию крайности или даже злоупотребления, но разве можно по крайностям или злоупотреблениям судить о каком бы то ни было учении?

Славянофилы говорят то, славянофилы утверждают это, но ведь нужно же разобрать, кто именно говорит то, и кто утверждает это, а не смешивать.

Славянофилы не составляли никогда так называемого общества, которое имело бы свой особенный катехизис, то есть исповедывали бы убеждения, равно для всех обязательные. Они не собирались даже никогда вместе, по чьему бы то ни было при-

* Вот этого-то поэта Белинский мешает с грязью — такова бывала вредность его суждений!

глашению, а только случайно, и по большей части толковали вдвоем или втроем, не имели никогда специальных намерений и никогда не условливались действовать совокупными силами. Они не знали даже вполне, да и не заботились о том, что каждый из них думал, или как судил о том или другом предмете. Между ними господствовала совершенная свобода, и каждый из них имел свой собственный образ мыслей, который вырабатывался у него независимо от прочих, подвергаясь, разумеется, только их влиянию, посредственному или непосредственному. Любовь к отечеству, стремление к просвещению, желание свободы законной, а не необузданной, о чем г. Пыпин почти и не упоминает, разве вскользь — вот убеждения, которые одушевляли всегда славянофилов и к которым примыкали все прочие. Было, разумеется, еще несколько главных положений, в которых все сходились между собою, но и в тех были разные степени: в одних более, в других менее. *Русская самостоятельность, своеобразность, одним словом, народность, национальность, — вот средоточие всей системы!* В неглавных положениях встречалось иногда совершенное разногласие.

Бывали случаи и периоды охлаждения между иными, вследствие недоразумений или крайностей, которые другим казались опасными, и даже вредными для дела, в данных обстоятельствах.

Ко времени Крымской войны относится самое живое в сближение и самое искреннее согласие; предметом рассуждений сделались господствовавшая система, славянская взаимность и потом крепостное право.

Вместо общих обвинений, основанных на предубеждении, вместо выдержек, нахватанных с задними мыслями из разных времен и от разных лиц, лучше было бы для г. Пыпина последовать общему правилу науки, которое гласит:

Излагая исторически учение, какое бы то ни было, необходимо прежде всего представить основные его положения, сколько их было, потом исчислить и его последователей, отыскать зародыш, происхождение всякого положения и проследить его развитие, кому принадлежит оно, в той или другой степени, кем было принято, развиваемо, кем отвергаемо или доведено до крайностей.

Точная хронология в таких случаях необходима, а говорить в общих выражениях, смешивая четыре разные периода и че-

тыре разные поколения или слоя, действовавшие и говорившие в совершенно различных обстоятельствах, говорить притом с предвзятыми на веру мнениями, без знакомства даже с доступными источниками, — это позволительно или извинительно в торопливом фельетонисте, а не в почтенном сане историка: ошибки тут неизбежны и в рассуждениях и в заключениях, — а если еще присоединятся личности!

Извлеки таким образом главные положения из сочинений и статей славянофилов и разобрав, кому из них какое принадлежит, он мог бы судить об них основательнее и оценивать их по удельной тяжести. Он увидел бы тогда яснее, что совокупность этих положений ни у кого из славянофилов не выражалась в такой степени и в такой живости, как у Хомякова, и что Киреевскому принадлежит собственно развитие положения о православии. Он увидел бы тогда, что имя любезного, доброго, горячего, благонамеренного юноши Валуева не только странно, но смешно видеть рядом с этими его учителями, с которыми он даже говорить не мог, и только мог бы слушать!

Ознакомившись получше с литературою вопроса, г. Пыпин увидел бы, что многие его возражения давно уже известны в среде самого славянофильства.

Чтобы уяснить для г. Пыпина вопрос о мнениях славянофилов, опровергнуть повторяемые им без проверки обвинения, отстранить нелепые возводимые на них напраслины, я расскажу документально из первого периода один случай, который приходит теперь на память.

Среди первых препинаний западников с славянофилами Грановский, в конце 1844 или начале 1845 года, на своей лекции в университете, сказал к чему-то студентам, что явились в Москве люди, которые вместо того, чтоб идти вперед, зовут русское общество назад и, вынув из могилы мертвый труп, хотят его оживить *¹⁹.

* Не то же ли самое, не те ли зады повторяет теперь г. Пыпин, говоря: «Староверство вооружалось философскими доказательствами, во имя народа проповедывалось отрицание той образованности, которая едва бросала корень в русском обществе — можно было подумать, что в этих людях старый обскурантизм встречал новых союзников. Аргументы, которыми новая школа защищала свои мнения, были такого свойства, что казались не только ошибочными, но вредными, потому что действительно открывали путь для настоящего обскурантизма» (с. 72).

Вслед за выходякою Грановского на лекции, в «Московских ведомостях» напечатана была статья о Бретани и ее жителях, которая заключалась несколькими словами в том же смысле. Статья приписывалась также Грановскому, но после сделалось известным, что она принадлежала тогдашнему редактору ведомостей, Е. Ф. Коршу²⁰.

Я написал ответ, который и был напечатан в «Москвитянине»²¹, принявшем тогда совершенно чистое славянофильское направление, имея редактором Ивана Киреевского, главу славянофилов, по мнению г. Пыпина.

В ответе не изменено, не прибавлено, не исключено ни одного слова, и следовательно, не признан торжественно настоящей profession de foi * славянофильскою (которая, впрочем, соблюдалась и в «Москвитянине», в продолжение шестнадцати лет от первой книжки до последней). Во всех сочинениях старших и младших славянофилов, ни прежде ни после, не было никогда никакого противоречия с этим ответом.

Судя по статье г. Пыпина, ясно, что мой ответ через 30 почти лет не потерял своего смысла и может быть возобновлен с прежнею целью.

В 25 номере «Московских ведомостей» (1845 г.) помещена статья под заглавием «Бретань и ее жители» — статья прекрасно написанная, ясная, легкая, живая; я прочел ее с большим удовольствием, находя в ней доказательство нового увлекательного таланта, который появляется в области русской словесности.

Но мое удовольствие было не без примеси: автор, воздавая хвалу западным хроникам средних веков, рассудил почему-то бросить тень на наши, и как будто с состраданием произнес, что «средний век не существовал для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него».

В 1830-х годах, излагая в одном из журналов того времени систему европейской истории Гизо, только что появившуюся у нас²², я имел честь заметить знаменитому профессору об его односторонности, и сказать, что истории Запада нельзя выразить вполне, не обращая внимания на другую половину Европы, на историю Востока, шедшего с ним параллельно, Востока, который представляет значительные для науки видоизменения всех западных учреждений и явлений: точно так натуралист

* Исповедание веры, изложение своих взглядов (фр.). — Ред.

должен исследовать все произведения, все виды, принадлежащие к одному классу, если хочет составить себе полное, основательное понятие об этом классе.

Не думал я, чтоб чрез 15 лет, — когда наука ступила столько шагов вперед, после того, как издано в свет столько свидетельств, доведших эту мысль до очевидной убедительности, — пришлось мне повторить тот же упрек своему соотечественнику, который, увеличив сверх меры ошибку, не может даже привести и оправданий Гизо.

Не странно ли, в самом деле, чтоб в наше время, когда одна археографическая комиссия издала томов двадцать древних документов, не говоря о частных трудах, не странно ли встретить, даже в образованном классе, людей столько *запоздалых*, столько *отсталых*, или столько *ослепленных*, которые, имея пред своими глазами Петрову Россию, могут смело, не запинаясь, выговаривать, что этот колосс, готовый и вооруженный, произошел из ничего, без всякого предварительного приуготовления, без среднего века, — людей, которые решились с непонятным упорством коснуть в своем непростительном неведении, и даже распространять свое мнение, — которое просто затыкают себе уши, зажмуривают себе глаза, восклицая с Чванкиной Княжнина:

Хоть вижу, да не верю!²³

Средний век у нас был, скажу я неизвестному автору, был, как и в Западной Европе, но только под другою формою; тот же процесс у нас совершался, как и там; те же задачи разрешались, только посредством других приемов; те же цели достигались, только другими путями. Это различие и составляет собственно занимательность, важность русской истории для мыслящего *европейского* историка и философа. И у нас было введено христианство, только иначе, мирно и спокойно, с крестом, а не с мечом; и мы начали молиться единому Богу, но на своем языке, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у нас образовалось духовенство, но духовное, а не мирское; и мы преклонились пред ним, но пред его словом и убеждением, а не властью. В политическом отношении было также разделение, междоусобная война, централизация, единодержавие. У нас не было, правда, рабства*, не было гордости, не было инквизиции, не было феодального тиранства, зато было значительное самоуправление, патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владение, была мирская сходка! одним

* Полное закрепление крестьян принадлежит уже к новому времени.

словом, в среднем веке было у нас то, об чем так старался Запад уже в новом, не успел еще в новейшем, и едва ли может успеть и будущем. Мы явили свои добродетели и свои пороки, мы совершили свои подвиги, мы имели свои прекрасные моменты, мы можем указать на своих великих людей...

Но довольно! Доказывать, что русская история имела свой средний век, не значит ли доказывать, что белокурый может также называться человеком, как и черноволосый? Не значит ли доказывать, что между всякими двумя краями всегда бывает середина?

Неизвестный автор не может уклоняться от моего обвинения тем, что он отрицал существование на Руси только западного среднего века, не может, ибо об этом говорить нечего. Разве нужно сказывать, разве нужно кому-нибудь напоминать, что на Руси не было, например, Парижа или Лондона? Это знает всякий, и не будет спорить никто. У нас, разумеется, не было Парижа, но была Москва. У нас не было Тауэра, но был Кремль; у нас не было западного среднего века, но был восточный, русский, — что и хотел я доказать, *довести до сведения* автора и его читателей, а может быть, и последователей.

Петр Великий, по необходимости, вследствие естественных географических отношений России к Европе, должен был остановить народное развитие и дать ему на время другое направление. Кто из нас не воздаст должной чести этому необыкновенному гению, кто не удивляется его беспримерным трудам, кто не оценивает его спасительных подвигов, кто, наконец, не благоговеет пред его любовью к отечеству?

Но прошло уже слишком 100 лет, как он скончался, и полтора, как он начал действовать, а новое время идет быстрее древнего. Период Петров оканчивается: главнейшие дела его совершены, первая задача его решена, ближайшая цель его достигнута, то есть: северные враги наши смиренны, Россия заняла почетное место в политической системе государств европейских, приняла в свои руки европейское оружие и привыкла обращаться оное с достаточною ловкостью, может по усмотрению употреблять все европейские средства и пособия для дальнейшего развития своей собственной, на время замиравшей жизни, во всех ее отраслях.

Занимается заря новой эры: русские начинают припоминать себя и уразумевать требования своего времени; для избранных становится тяжким иностранное иго, умственное и ученое; они убеждаются, что, склоняясь под оным, они не могут произвести ничего самобытного, что чужеземные семена не принимаются,

не пускают корней, или производят один *пустоцвет*; они убеждаются, что для собрания собственной богатой жатвы нельзя поступать пока иначе, как *возделывать свою землю*, т. е. разрабатывать свой язык, углубляться в свою историю, изучать характер, проникать дух своего народа, во всех сокровенных тайниках его сердца, на всех горных высотах его души, одним словом, *познавать самих себя*. Они убеждаются, что настало время испытывать свои силы, и блестящий успех вознаграждает некоторые усилия!

Время безусловного поклонения Западу миновалось, разве от лица людей запоздалых, которые не успели еще доучить старого курса, между тем как начался уже новый. Им можно посоветовать, чтоб они постарались догнать уходящих и стать наравне с своим веком, в чувствах уважения к самобытности, следовательно своенародности, и следовательно старины.

Только таким образом, продолжу я им наставление, можем мы исполнить ожидания самой Европы, ожидания всех друзей общего блага; только таким образом можем мы исполнить свои человеческие обязанности. Мы должны явиться на европейской сцене — стану употреблять их любимые выражения — своеобразными *индивидуумами*, а не безжизненными автоматами; мы должны показать там свои лица, а не мертвенные дагерротипы каких-то западных идеалов. Своим голосом должны мы произнести наше имя, своим языком должны мы сказать наше дело, а не на чуждом жаргоне, переводя из немецкого компендиума и французской хрестоматии; наконец, посредством своих мотивов мы должны выразить наш пафос: иначе нас не примет наша старшая братия; с презрением или много-много с состраданием, они отвратят взоры от жалких подражателей, которые тем несчастнее, чем кажутся себе счастливее. В Германии не допускаются отголоски, даже самые верные, не только *фальшивые*, а одни самобытные науки.

Оставляя шутки, я должен заключить это объяснение о том, как понимаю я, и некоторые друзья мои, наше время касательно науки, какими представляются нам наши обязанности, наши отношения к ученой Европе и отечеству, заключить ответом на литературные клеветы, возведенные на нас с самых первых номеров «Москвитянина», т. е. с 1841 г.

На нас разносят клевету, будто мы не уважаем Запада. Нет, мы не уступим нашим противникам в этом чувстве уважения; мы изучали Запад, по крайней мере не менее их; мы дорого ценим услуги, оказанные им человечеству; мы чтим тяжелые опыты, перенесенные им для общего блага; мы питаем глубо-

кую благодарность за спасительные указания, которые сделал он своим собратиям, мы сочувствуем всему прекрасному, высокому, чистому, где бы оно ни проявлялось — на Западе и Востоке, Севере и Юге; но мы утверждаем, что старых опытов повторять не нужно, что указаниями пользоваться должно, что не все чужое прекрасно, что время оказало на Западе многие существенные недостатки, что наконец мы должны иметь собственный взгляд на вещи, а не смотреть по-прежнему глазами французов, англичан, итальянцев, прусаков, австрийцев, баварцев, венгерцев и турок. Ясно ли теперь для читателей, что эту клевету разносят на нас напрасно?

Напрасно разносят на нас еще клевету, что мы хотим воздвигнуть из могилы мертвый труп. Мертвый труп противен нам, может быть, более, нежели кому иному. Нет, душа бессмертная, которая обитала в этом трупе, привлекает наше внимание, возбуждает наше благоговение. И в каком западном просвещенном государстве, в каком немецком университете, давно ли изучение древности, даже мексиканской, эфиопской, стало награждаться подобною насмешкою; называться намерением воскрешать мертвецов?

Напрасно взводят на нас клевету, будто мы поклоняемся нечестиво неподвижной старине. Нет, *неподвижность* старины нам *противна*, столько же как и бессмысленное *шатање* новизны. Нет, не неподвижность, а вечное начало, русский дух, веющий нам из заветных недр этой старины, мы ценим богобоязненно, и усердно молимся, чтоб он никогда не покидал святой Руси, ибо только на этом краеугольном камне она могли стоять прежде и пройти все опасности, поддерживается теперь и будет стоять долго, если Богу угодно ее бытие. Старина драгоценна нам как родимая почва, которая упитана не скажу кровию, — кровию упитана западная земля, но слезами наших предков, перетерпевших и варягов, и татар, и Литву, и жестокости Иоанна Грозного, и революцию Петра Великого, и нашествие двадцати язык, и наваждение легионов духов, в сладкой, может быть, надежде, что отдаленные потомки вкусят от плода их трудной жизни, а мы *несмысленные*, мы хотим только плясать на их священных могилах, радуемся всякому пустому поводу, ищем всякого предлога, даже несправедливого, надругаться над их памятью, забывая примеры нечестивого Хама, пораженного на веки веков, в лице всего потомства, за свое легкомыслие.

Неизвестный автор статьи о Бретани, которая подала мне повод выразить теперь свое мнение, бросил, также, может быть,

нечаянно, камень в древнюю нашу историю, сказав с насмешкою, что «мы хоть недавно, но решительно распростились с своей неподвижною стариною, с безвыходным застоём котошихинской эпохи, и, благодаря Богу и Петру Великому, пошли вперед путем обновленной жизни и многосторонней деятельности».

Благодарю за выбор представителей!

Избави нас, Боже, от застоя котошихинской эпохи, но и сохрани нас, высшие силы, от котошихинского прогресса, — прогресса Котошихина, который изменил своему отечеству, отрекся от своей веры, переименовал свое имя, отказался от своего семейства, бросил своих детей, женился на двух женах, и кончил свою несчастную жизнь от руки тех же иноплеменников, достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!..

Dixi et salvavi animam*.

Из одной этой записки читатели увидят, как смотрели славянофилы на существенные вопросы, бывшие предметом споров: они все приняты в соображение, и обо всех упомянуто более или менее, кроме религиозного, до которого касаться было еще ненужно и неудобно. (Религиозный вопрос развит был преимущественно впоследствии, даже больше других, у Хомякова и Киреевского). Здесь найдут они, надеюсь, и полное, хоть и краткое, опровержение всех нелепостей, которые до сих пор навязываются славянофилам, несмотря на то, что 30 лет назад они были вполне опровергнуты!

Перестаньте же, господа, повторять свои зады, которые наскучили всем серьезным людям, и вспомните хоть то, что вы зоветесь прогрессистами.

Я пойду еще далее: если славянофилы, ни старые, ни молодые, не могут прибавить ничего существенного к этой исповеди, то и западники не осмелятся теперь отречься ни от единого в ней слова, разве от проклятия Котошихину! Что же заключить из этого? Что западники *bon-gré, mal-gré*, волею-неволею, сами притягиваются к этому учению, и не могут уже отказываться

* Сказал и тем спас свою душу (лат.). — *Ред.*

от его положений, и — что славянофильское учение распространяется концентрическими кругами и захватывает пространства западного больше и больше, какие бы усилия ни употребляла вражья сила.

Мне остается объяснить некоторые частности, относящиеся к вопросу, и отвечать на посторонние, *не научные* обвинения г. Пыпина.

«Славянофилы были притом, — говорит он, — преисполнены гордости своею системой, и противники их не могли простить им этих притязаний: во-первых, эти высокомерные притязания далеко не были ими доказаны; во-вторых, оставалось не выяснено отношение славянофильства к авторитету, к официальной народности» (с. 55).

Ответ: первые славянофилы были старше первых западников, и относились к ним, как профессора к студентам, которые между тем заявляли свои притязания, прежде чем (обратим на них слова г. Пыпина) «(их) заслуги (?) дали (им) на то какое-нибудь право». Очень естественно было для славянофилов относиться к ним свысока, а оскорбительные подозрения западников, которые они, разумеется, не скрывали, должны были произвести еще большее раздражение.

«В то время как противоположное направление встретилось с практическими вопросами действительности, эта школа дольше оставалась дилетантской системой, которой удобно было витать в отвлеченностях, не особенно заботясь о практических выводах» (с. 53).

А крестьянский-то вопрос — кем был разрабатываем первоначально и в историческом и в статистическом и практическом отношениях, начиная со статьи Хомякова о крестьянских условиях²⁴, помещенной в «Москвитяине» 1842 года, с возражением на нее Татаринова²⁵, и статьи Кошелева в «Земледельческой газете» в 1847 или 1848 году, до последних трудов Кошелева, Самарина, князя Черкасского, в редакционных комитетах и комиссиях? Множество их мнений находится еще в рукописи, и мне недавно попалось письмо Хомякова к Я. И. Ростовцеву²⁶, по поводу изданных последним, кажется, в чужих краях писем об освобождении крестьян²⁷.

Желательно было бы узнать от г. Пыпина, чем обнаружилась встреча западнического направления с практическими вопросами действительности?

Забавнее всего, что историк меняет роли и действия славянофилов приписывает западникам, а действия западников славянофилам — с больной головы на здоровую...

С «Москвитянином» г. Пыпин не знает, что делать: ему непременно хочется отделить, так названных им, писателей «Москвитянина» от славянофилов, и он помыкает ими по усмотрению, а в конце концов оказывается все-таки полное согласие между ними, по собственным его словам, а именно:

«Что касается до “Москвитянина”, то с ним славянофилов, в то время, почти невозможно было отличить. Если философия г. Погодина не пускалась в такие глубины, как философия Киреевского и Хомякова, то критическое понимание было *одно и то же*. “Москвитянин”, как журнал г. Погодина и Шевырева, видел отличительные черты русской народности и русской истории *в том же, в чем* находили их славянофилы: Шевырев изображал православное благочестие русской старины *в столь же ярких красках*, и славянофилы с удовольствием должны были читать в его лекциях, что любомудрие древних русских мыслителей превышает глубиной философию Гегеля, кроме *общей любви к старине*, достойной служить образцом для настоящего по “цельности воззрения”, — “Москвитянин” сходился с славянофилами и в *частных представлениях* русской истории по поводу статьи г. Погодина “Параллель русской истории с историею западных европейских государств”²⁸. Славянофилы находили, что его мысль о коренном различии между историей западной и нашей — *неоспорима*, и противоположения Запада и Востока у них *очень сходны*. “Москвитянин” терпеть не мог запада и распространял теорию об его гниении — которая почти *совершенно равняется* тому мнению, какое имели и имеют о Западе славянофилы» (с. 72).

«*Самые теории очень трудно было различить*, потому что осуждение Запада и у славянофилов было достаточно категорическое» (с. 94).

«Славянофильские теории являлись рядом с рассуждениями Погодина, Шевырева, и проч., и между ними не раз можно было заметить *большее согласие*» (с. 54).

«Впрочем, еще до этого времени славянофильские писатели в печатной литературе примыкали нередко к людям *близкого с ними, но тем не менее особого направления* в “Москвитянине”» (с. 53).

Итого: о религии и православии славянофилы и писатели «Москвитянина» у г. Пыпина говорили одно и то же, о русской истории одно и то же (последним она принадлежит преимущественно); о характере русского народа — одно и то же; о наших силах, о наших задатках — одно и то же. Что же остается в раз-

личии? Что есть такое у славянофилов г. Пыпина, чего нет у его «писателей “Москвитянина”»? Прибавить ли, что славянофилы г. Пыпина принимали участие в издании «Москвитянина» от начала его до конца, кроме годов издания особых сборников; и что глава славянофилов, по рассуждению г. Пыпина, был несколько времени издателем «Москвитянина», уже совершенно славянофильского, где принимали, однако же, участие и прежние писатели «Москвитянина»?..

Г. Пыпин придумал очень хорошее слово: официальная, казенная народность; жаль только, что он не объяснил порядочно, что разумеет под нею, да и употребляет ее он слишком произвольно.

Спросим его предварительно: у Державина, Ломоносова, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Гоголя, какая была народность — официальная или нет?

Кажется — он считает ее официальной, ибо говорит, что органами официальной народности «стали, между прочими, некоторые из лучших наших писателей» (с. 58).

Славянофильство г. Пыпин считает также очень близкими к официальной народности (с. 56).

Но обращается он гневом на одного «Москвитянина», который, как козел искупления, «представил-де весьма непривлекательный сбор казенных взглядов официальной народности» (с. 54).

Г. Пыпин разумеет, кажется, под господствовавшей казенною народностью знаменитую формулу Уварова: православие, самодержавие, народность. Так ли?

Я должен распространиться несколько об ней. Прежде всего замечу историку, что эту, хорошо, неодносторонне понятую формулу принимают до сих пор многие серьезные русские люди, знакомые с историею, с народом, с жизнью. (Укажу на сейчас прочитанную статью г. Константинова (псевдоним?) в «Русском вестнике» (1873. № 2²⁹).

Можете ли вы порицать их безусловно? Что же сделается тогда с вашею свободою мнений? Или вы исповедуете свободу мнений только для себя?

Карамзин стоял в свое время за самодержавие, хоть и был «республиканцем в душе».

Вальтер Скотт был отъявленный тори, но ни один *англичанин* и не думает заподозрить его любовь к свободе.

Между нынешними легитимистами во Франции разве нет людей честных, благородных, умных, любящих искренно и горячо свое отечество?

Кастелляр в Испании желает республики федеративной, а Олосага единой!

Неужели г. Пыпин думает, что уваровская формула играла роль еще где-нибудь, кроме отчетов министра, т. е. самого автора? В литературе она служила только охранением для охранения мыслей, излагавшихся иногда под ее покровительством; во всяком случае, нельзя было говори об одном члене формулы отдельно от других. Впрочем, и о трех вместе говорено было немного. Давления никакого она не производила и производить не могла. У кого были мысли, тот мыслил про себя, или выражал их, если имел то искусство, которым, по мнению Карамзина, можно говорить что угодно, несмотря ни на какие цензурные пути. А у кого не было мыслей, а только ощущения, тот молчал или отделялся междометиями, и разглагольствовал дверям затворенным, за бокалом шампанского, снискивая себе тем дешевую популярность.

В уваровской формуле появилось впервые слово «народность», в официальном языке до тех пор неслыханное. За одно это слово должно помянуть добром Уварова, а так как мысли живут, развиваются зреют, то за этим словом последовали и другие — однородные.

Я посоветовал бы историку поразмыслить о том, с точки зрения научной, а не случайной, чтоб быть справедливее во всех опрометчивых заключениях!

Г. Пыпин, приписав славянофилам «положение, очень близкое к официальной народности», должен, однако же, сознаться, что они не пользовались благосклонностью высших сфер, ибо продолжение «Московских сборников» было запрещено, и сотрудники получили некоторое особое предостережение.

А вот к сведению г. Пыпина и соответствующие известия о «Москвитянине»: укажу только на напечатанные и официальные.

В 1842 году, в начале «Москвитянина», писано было тайному советнику Уварову (министру просвещения): «в последние годы некоторые журналы, в особенности “Москвитянин”, приняли за особенную тему выставлять живущих под владычеством Турции и Австрии славян как терпящих особые угнетения и предвещать скорое (?) отделение их иноплеменного ига». «Возбуждать участие к политическому порабощению некоторых славянских народов, представлять им Россию как главу, от которой могут они ожидать лучшего направления в будущности, и явно рукоплескать порывам к эмансипации, — заключало это донесение, — едва ли можно считать такую пропаганду опасною?»

Министр Уваров, благоволивший к «Москвитянину» и его редактору, препроводил донесение к московскому генерал-губернатору, с шутливым приглашением принять меры против угрожающей для Москвы опасности от статей — «Москвитянина». Князь Д. В. Голицын, благоволивший также к «Москвитянину» и его редактору, написал к Уварову шутливую записку, когда тому случилось вскоре приехать в Москву: «Venez, mon cher, et cherchons des moyens pour detourner la guerre entre la Russie et la Porte Ottomane» *.

В последнем году «Москвитянина» цензурная история разыгралась гораздо печальнее: увольнением двух цензоров за пропуск какой-то ничтожной повести! И каких цензоров! М. Н. Похвиснева, бывшего тогда при попечителе В. И. Назимове и первым лицом в управлении округа, а потом занимавшего много лет с честью высокое место начальника главного управления по делам печати. Второй уволенный цензор был Д. С. Ржевский. Я заблагорассудил тогда прекратить издание «Москвитянина», хотя и имел все нужные для издания средства.

Около того же времени (1856) я напечатал одну статью в «Le Nord», кажется, по поводу войны англичан в Индии³⁰, где слегка коснулся, в заключении, об ожидаемом у нас решении крестьянского вопроса, и должен был дать подписку графу Закревскому, что не буду печатать ничего за границу без разрешения.

Г. Пыпин свидетельствует, что «Москвитянин» не пользовался уважением» (с. 72). Считаю себя обязанным заступиться

* «Давайте, мой дорогой, поищем средств отвести войну между Россией и Оттоманской Портой» (фр.). — *Ред.*

за «Москвитянина» и спросить: у кого именно он не пользовался уважением?

В «Москвитянине», от первого года до последнего, принимали участие и помещали статьи: Жуковский, которому отчасти он одолжен и своих существованием (равно как и князю Д. В. Голицыну), как подавший первую мысль и помогавший к приведению ее в исполнение; князь Вяземский, Гоголь, Даль, гр. Ростопчина, Максимовича, Глинка (Ф. Н.), Дмитриев (М. А.), Вельтман, Аксаков (С. Т.), Горский, Стурдза, Загоскин, Мельгунов, Квитка, Ознобишин, Раич, Павлова, Миллер (Ф. Б.), Буслаев, Грот, Срезневский, Щуровский, Григорьев (В. В.), Иакинф, Давыдов, Сахаров, Снегирев, Беляев, Лешков, Березин, Спасский. Не говорю уже об отделенных г. Пыпиным славянофилах: Хомякове, Языкове, Аксакове, Самарине, Попове и проч.

В «Москвитянине» были помещены пять первых комедий Островского, из коих первая «Банкрот» («Свои люди сочтемся») могла и на свет выйти только благодаря его ходатайству, чрез попечителя В. И. Назимова.

В «Москвитянине» были помещены все первые повести Писемского, Потехина, Кокорева (И. Т.), все первые опыты Щербины, Мея, Берга, Мина, Фета. Не нужно распространяться здесь о материалах для «Русской истории» и «Истории русской словесности», по которым московский «Русский архив» и петербургскую «Русскую старину» можно считать детьми «Москвитянина».

Осмелюсь ли указать г. Пыпину на имена митрополита Филарета, архиепископов Иннокентия и Филарета? Осмелюсь, потому что могу рассказать следующий случай: преосвященный Иннокентий присылал мне свои проповеди о временах года, помещенные в «Москвитянине»³³. В проповеди на весну, одно место о лесах, предназначенных на общую пользу, показалось мне двусмысленным, и я, по тогдашнему времени, выразил ему опасение, как бы цензура не увидала здесь чего-нибудь коммунистического, — а сам послал между тем проповедь в духовную цензуру. Иннокентий ответил мне: «Исправьте, как хотите», а в то же время проповедь пришла ко мне из цензуры сполна пропущенною. Мне не хотелось исправлять подозрительное место и посылать на новую цензуру, и я выпустил книжку с проповедью в первоначальном ее виде: авось пройдет! Однако не прошло благополучно. Князь Меншиков отозвался будто: «Notre archeveque Innocent n'est pas très innocent»*. Я слышал, что

* «Наш архиепископ Иннокентий не так уж невинен» (фр.) — Ред.³²

Иннокентию был даже запрос об его учении, и он отвечал: «Я учу и учил всегда, чтоб неимущие давали добровольно, но никогда не учил, чтоб неимущие брали у имущих насильно». Мне не случилось после спросить Иннокентия, справедлив ли был этот анекдот; но это мимоходом.

Г. Пыпин говорит, что «писатели “Москвитянина” не пользовались репутацией» (с. 53). Здесь я не спрашиваю у него, потому что сам г. Пыпин отвечает вперед на этот вопрос, заявляя торжественно о вражде западников к «Москвитянину», — такой вражде, что даже к его славянофилам враждовали они преимущественно за их согласие с писателями «Москвитянина»! Это сознание повторено несколько раз. Враждою этой я горжусь до сих пор, столько же, сколько благорасположением людей противного образа мыслей, и, занесенный в черную книгу, осыпaeмый бранью при всяком удобном и неудобном случае, думаю сам про себя с удовольствием: видимое желание противодействовать отрицательному направлению в «Московском вестнике» (1827—1830), «Москвитянине» (1841—1856), «Русском вестнике» (1867—1868) не оставалось без успеха даже по их собственному невольному сознанию.

Забавнее всего, что г. Пыпин, витая в областях воздушных, а не на исторической почве, мнением своим полагает, что «в основании славянофильства была известная нравственно-общественная сила, но столкнувшись в своем развитии с тяжелыми общественными условиями, эта сила не сохранила-де правильного направления и впала в одностороннюю крайность, в которой остается до сих пор» (с. 50).

Любопытно было бы узнать, какое направление он считает правильным, в чем состоит крайность, в которой она находится? Кто ее представители, и в чем они обнаруживают свою деятельность? Слова, слова и слова!

Что касается лично до меня в статье г. Пыпина, то объясняться с ним я не имею ни охоты, ни нужды, ни времени. Меня дожидает уже мнение Иловайского, которому обещал я подстрочный разбор его стародавней, впрочем, фантазии, а потом черед за Сусаниным, которого обещал «Гражданину» оборонить от г. Костомарова, а там еще первые князья киевские, глубоко

оскорбленные тем же историком, а там начаты еще газетные заметки...

Труды мои налицо. В продолжение 50 с лишком уже теперь лет не было не только года, но не было даже месяца, едва ли недели, без какой-либо статьи (кроме исследований и вообще занятий по русской истории, которой посвящаются утра), и я не отрекаюсь ни от одной своей строки. Еже писах — писах. Смею надеяться, что найдутся всегда беспристрастные судьи, которые рассмотрят всю мою деятельность, обсудят прю с противниками, и воздадут каждому свое. Quod potui — feci (et facio) meliora faciant potentes*.

* Что могу — делаю (и делал) как можно лучше (лат.). — Ред.